

Семантика «я» в связи с проблемой индивидуальной идентичности

В проблеме индивидуальной идентичности абсорбируются самые важные аспекты и концептуальные схемы *mind-body problem*. В аналитической традиции сложился огромный пласт литературы по этой теме, интерес к ней не иссякает, однако, это небольшое исследование посвящено главным образом рецепции и рефлексивной критике со стороны континентальной философии основных аналогов и версий персональной константности, предложенных Амелией Рорти, Дерекком Парфитом и многими другими. Именно такой спорный подход кажется нам продуктивным, открывающим новые перспективы для таких заброшенных и захламленных в континентальной философской традиции вопросов, как природа человека и сущность действия.

Исторически сложилось так, что именно такой ракурс и точка зрения — вопрос о персональной идентичности — оказывается характерным для англосаксонской философии способом размышлений о человеческой самости, в обход и за спиной доминирующей модели *cogito*, которую традиционно, с легкой руки Хайдеггера, связывают с Декартом. Коротко предложим понятийное досье тождественности, чтобы подчеркнуть значительную деталь — расщепление тождественности в двух смыслах: тождество во времени и тождество по отношению к другому. Со времен античных философских школ известно, что тождество как понятие, выражающее связь или отношение и отношение отношений, может использоваться в двух смыслах. Прежде всего, речь идет о числовой идентичности, которая противоположна множественности; так, когда мы встречаем вещь, обозначаемую одним и тем же именем в естественном языке, мы утверждаем, что это одна и та же вещь. Качественная идентичность означает сходство между двумя вещами, которая позволяет нам утверждать, что они тождественны. Две эти составляющие часто накладываются друг на друга, но они не являются взаимно сводимыми, как например, категории количества и качества. Чаще всего, когда мы говорим о физической личности, мы используем одновременно два понятия, мы без труда узнаем человека, которого не видели продолжительное время, связывая наличное восприятие с воспоминанием, даже если человек достаточно сильно изменился. Именно к такой процедуре идентификации апеллирует судебная практика и прочие современные опознавательные системы, связанные с безопасностью. Принцип перманентности во времени, позволяющий помыслить изменение, призывающий идею неизменной структуры, предложенную Кантом, дополнил старую метафизическую идею субстанции, обоснованную, главным образом, критерием подобия. И хотя вся проблематика личной идентичности обращается в сторону поисков инвариантов, которым придается значение постоянства во времени, как мы это покажем позднее, не станем забывать о существовании второго смыслового порядка идентичности — постоянства по отношению к другому. Поль Рикер предложил удобное различие двух основных значений идентичности с помощью закрепления за каждым из них соответственно латинский слов *idem* и *ipse*. Мы поддерживаем это важное методологическое решение и в дальнейшем покажем, что благодаря такому различению возможно избежать некоторых недоразумений.

Вопрос о личной идентичности, привязанный не к внешнему восприятию физического присутствия, а с самосознанием воспринимающего субъекта, сталкивается

со многими неразрешимыми трудностями и парализующими парадоксами. Англоязычные философы узнали об этом прежде всего от Локка и Юма.

Локк резюмировал достижения предшествующей традиции, широко обсуждавшей вопрос идентичности в античных теориях метемпсихоза, в богословских спорах о личности Христа, в средневековых дискуссиях о всеобщем воскресении, в своей известной концепции, связавшей личную идентичность и память. В знаменитых «Опытах о человеческом разумении» Локк распространяет действие рефлексии с момента на длительность, память предстает как ретроспективное расширение рефлексии в прошлое, таким образом открывая новый критерий идентичности — идентичности психической. С этого момента он начинает соперничать с другим критерием — телесной идентичностью, — с которым традиционно соотносили постоянство организации, наблюдаемой извне. С момента появления на философской авансцене психического критерия собрано уже целое досье *puzzling case*, парадоксальных случаев, вскрывающих апоретический характер вопроса об идентичности.

Уже в ходе первых дискуссий вокруг *memory theory* Локка обнаружились фундаментальные проблемы теории персональной идентичности, которые, вплоть до настоящего времени, не стали менее острыми. Лейбниц, Батлер и Рид выдвигали против этой теории следующее возражение: идентичность личности не может быть выведена из отношений сознания, но сама является их предпосылкой. Одним из главных взысков в это досье оказался анализ Юма. В «Трактате о человеческой природе» Юм допускает лишь один критерий идентичности — «одинаковость», переходя в своем исследовании вещей и одушевленных существ к самости, поскольку, как хороший эмпирик, требует от каждой идеи впечатления, и, не находя впечатления, соответствующего идее «я», отказывает ей в существовании. Объясняя иллюзорность идентичности, Юм, тем не менее, вводит два понятия, которые оставили серьезный след в последующих дискуссиях и произвели впечатление на Канта, — это воображение и вера. Воображение оказывается способностью переходить от одного впечатления к другому и, тем самым, преобразовывать разнообразие в идентичность, а вера служит скрепляющей фазой, восполняющей дефицит воображения. Далее Юм обращается к своему основному аргументу, под знаком которого будут развиваться все дальнейшие дискуссии: «Что касается меня, то когда я самым интимным образом вникаю в нечто именуемое мной, своим «я», я всегда наталкиваюсь на то или иное единичное восприятие тепла или холода, света или тени, любви или ненависти, страдания или наслаждения. Я никак не могу уловить свое «я» как нечто существующее помимо восприятий и никак не могу подметить ничего, кроме какого-либо восприятия». [2, с. 345] Уже в рассуждении Юма хорошо заметна следующая странность: кто говорит о «я», которое неуловимо вне опыта чувств, кто занимается поисками и удостоверяется, что ничего не нашел? Данный парадокс и станет отправным пунктом этого аналитического обозрения.

Актуальное состояние вопроса о персональной идентичности прекрасно охарактеризовано в статье Эрика Олсона, одного из известных современных специалистов, написанной им для Стэнфордской энциклопедии философии. Он разделяет этот диспозитив мысли на восемь рубрик: 1. Кто я, иначе говоря, что делает меня именно этой личностью? 2. Что значит быть личностью? 3. Что позволяет личности сохраняться от одного мгновения к другому? 4. Каковы доказательства континуальности личности? 5. Сколько нас, где располагается граница между одной и другой личностью? 6. Проблема нашей метафизической природы, которая может быть озаглавлена так: из чего складывается «я» и каков его состав: субстантивный, процессуальный или событийный? 7. Кем я могу быть, насколько я могу отличаться от того, что я есть? 8. Каково практическое значение фактов нашей идентичности и выживания? [3] Замечательно, однако, что все эти направления, по мнению Олсона, в концентрированном виде содержатся в сюжете о выживании (*persistance*), то есть

здесь производится редукция, сведение двух смыслов идентичности — идентичность во времени и по отношению к другому, *idem* и *ipse*, а также присутствует сложный вопрос о семантическом смысле понятия «личность» и «ego», который кажется для Олсона принципиальным. Это вопрос постоянства личности во времени: что во мне является необходимым и достаточным основанием для того, чтобы «я» сохранялось во времени, в прошлом и будущем?

Мы оставим в стороне дискуссии по вопросу о том, принадлежит ли лучший критерий идентичности телесному или психологическому порядку, хотя сопоставление телесного и психологического критерия стало поводом для возникновения мощного пласта англоязычной философской литературы. Почти все предложенные ответы по вопросу о выживании располагаются в градации психологического или соматического. Для психологического подхода, ближайшим примером которого оказывается критерий памяти Локка, континуальность психики оказывается достаточным условием для выживания. И хотя существуют разногласия по поводу того, какие именно психические функции должны наследоваться, должно ли сознание подкрепляться физической преемственностью, множество философов с начала XX века одобрило разные версии психологического подхода. Сторонниками психологического подхода считаются: Джонстон (1987), Гаррет (1998), Хадсон (2001), Льюис (1976), Нагель (1986), Нунан (2003), Нозик (1981), Парфит (1971, 1984, 2007), Перри (1972), Шумейкер (1970, 1984, 1997, 1999), и Унгер (1990, гл. 5, 2000). Вторую идею, состоящую в том, что наша самобытность во времени состоит из некоторой грубой соматической связи, что быть «я» в прошлом или будущем времени — значит обладать определенной телесной организацией, поддерживают Айерс (1990), Картер (1989), Макки (1999), Олсон (1997), Ван Инваген (1990), Уильямс (1957, 1970). Гораздо интереснее психологического и соматического подхода к проблеме идентичности третья позиция, так называемый антикритериализм, который отказывается принимать важнейшую их предпосылку о необходимости постановки вопроса об основаниях самобытности личности во времени и утверждает, что преемственность и непрерывность не являются необходимым и достаточным основанием для выживания. Единственно правильным и полным ответом на вопрос выживания является тривиальное утверждение, что человек, существующий в один момент времени, совпадает с существующим в другой момент времени, если и только если они являются идентичными (Чизхолм 1976, Суинберн 1984, Меррик 1998, Циммерман 1998). Это утверждение часто сочетается с убежденностью в том, что проблема идентичности является надуманной и не имеющей серьезного философского значения. Не разделяя эту последнюю позицию, мы разделяем в целом скепсис антикритериализма по отношению к психологическому и телесному подходу, придерживаясь, однако, других оснований для критики. Во-первых, вслед за П. Рикером, необходимо заметить, что возможно, сам термин «критерий» в данной дискуссии употребляется некорректно: «Критерий есть то, что позволяет отличить истинное от ложного в соревновании между притязанием на истину. Но ведь вопрос как раз в том, чтобы узнать, одинаково ли самость и тождественность подлежат проверке ценностными суждениями. В случае с тождественностью термин „критерий“ имеет весьма точный смысл... Можно ли сказать то же самое о самости?» [4, 160] То есть постановка вопроса о критерии является преждевременной, поскольку не уяснен вопрос о содержании и смысле понятия «самость». Во-вторых, недопустима редукция сложной проблемы идентичности, включающая в себя не только аспект постоянства во времени (*idem*), но и консистентность самости по отношению к другому (*ipse*), только лишь к вопросу о выживании — такое решение кажется недопустимым упрощением.

Итак, мы охарактеризовали в целом контекст, в котором бытует сегодня в англосаксонской философской литературе проблема напряженного соотношения между

изменениями, единством и континуальностью личности, и показали его ограниченность. Между тем, в континентальной традиции всячески с исчерпанностью знаменитого спора о субъекте, продолжавшегося весь двадцатый век, в философской среде, инспирированной вопросами, заданными Локком и Юмом, разворачивается интересная дискуссия по проблеме индивидуальной идентичности. Для этой линии обсуждения образцовыми оказываются такие философы, как Витгенштейн и Стросон, и ее характерной чертой становится подчеркивание значения вопроса персональной идентичности для этической и политической практики.

Итак, из повестки по проблеме идентичности, сформулированной Олсоном, французские философы выбирают следующие вопросы: *является ли слово «я» фикцией, пустым именем и если нет, то какое содержание стоит за ним; так ли необходимо рефлексивное отношение к себе, и действительно ли оно сопровождает все наши чувства и мысли; насколько подходит понятие личности в качестве альтернативы эгологической традиции философии субъективности?* Кажется, эти вопросы, связанные, в первую очередь, с языком, и способ их обсуждения оказываются более соответствующими такому стилю мышления, который принято считать аналитическим, нежели чем пространные размышления об условиях трансплантации мозга. Каждый из представляемых здесь философов выбирает свою терминологию для постановки задачи определения семантики его: «нарративная идентичность» (Рикер), «атрибутивизм» (Либер), «эгологический тезис» (Декомб) — однако, смысл и характер их философской работы имеет множество общих моментов.

Во-первых, они исходят из самого узкого смысла, который только можно связать с понятием идентификации. Идентифицировать что-либо — это значит суметь дать знать о нем другому, на этом пути важнейшую помощь оказывает анализ Питера Стросона, его работа «Индивиды», уже ставшая классикой. (Любопытно, что в библиографии к статье по проблеме идентичности Олсона Стросона Витгенштейн даже не упоминается). Эта стратегия, общие рамки которой принимаются всеми перечисленными философами, состоит в выделении среди всевозможных частных идентификаций — привилегированных партикулярностей, принадлежащих к известному типу, который Стросон называет «базисными партикулярностями», — поэтому здесь изначально оказывается именно понятие личности. Сразу отметим, что трактовка личности как базисной партикулярности обладает ценным свойством: в ней не делается акцента на способности личности обозначать себя в разговоре, эта проблематика с самого начала остерегается сдвига по направлению к частной, а не публичной самореференции, что привело бы к преждевременному обращению к самообозначению. Второй удобный и важный момент анализа Стросона состоит в том, что первыми базисными партикулярностями являются тела. Для понятия личности это имеет очень большое значение, таким образом, ментальные события, представления или мысли сразу смещаются с господствующих позиций конечных референтов, как это было в субъективной традиции. Третье следствие заключается в том, что личность выражается не только местоимениями первого и второго числа, как это было в случае с теорией рефлексивного высказывания, — ментальные предикаты приписываются и тому, кто может быть третьим лицом. Казалось бы, что все преимущества тождественности предикации—атрибуции очевидны: простым грамматическим анализом нашего дискурса о личности устраняется гипотеза о двойной атрибуции сознанию и телу двух рядов предикатов, то есть мы имеем дело с двойной атрибуцией без двойной референции, два ряда одних и тех же предикатов для одной и той же реальности. Но теперь становятся очевидны недостатки такого нейтрального подхода к приписыванию: можно ли считать, что обладание, которое подразумевается притяжательным местоимением, имеет ту же самую природу, что и обладание логического субъекта предикатом? Обладание собственным телом по-другому ставит вопрос о собственности, атрибуция тела выбивается из других типов атрибуции тем, что ее невозможно

ни осуществить, ни отменить. Именно в этом пункте теорию Стросона будут дополнять Рикер, Декомб и Либера.

Еще один важнейший источник для этой дискуссии, если попытаться охарактеризовать ее в целом, не обращая внимания на разницу в мотивах и методах и даже в выводах — это Людвиг Витгенштейн, прочитанный его учениками, в частности Гертрудой Э. Энскомб. Помимо посылки к прояснению языка, который реализуется не только на традиционном историко-философском материале, но и на достаточно экзотическом, таком, например, как средневековые теологические трактаты, заимствуется и аналитический инструментарий, в частности, концепты, отсылающие к элементарному факту или событию, такие как: «агент», «акт», «действие».

В результате обсуждение проблемы персональной идентичности в современной франкоязычной философской литературе, о результатах которого, пожалуй, преждевременно судить, потому что оно как раз в самом разгаре, оказывается весьма оригинальным: с одной стороны, очевидна его преемственность и связь с философией субъективности, это хорошо заметно по тому, как, несмотря на всю радикальность заявлений, в нем не сдают традиционную тему рефлексии, пусть и обыгранную уже другим языком. С другой стороны, делается ставка на понятие персональности, заимствованное из аналитической традиции (справедливости ради надо заметить, что привлекается и Аристотель, и даже теологические контексты), которое не дискредитировано критикой философии субъекта и, несомненно, обладает некоторым эвристическим потенциалом. Поэтому в дискуссиях о существе и смысле персональной идентичности, провокационном и скандальном для континентальной философии, этим авторам удастся отстраивать собственную, третью линию, не сводимую ни к философии субъективности, ни к традиционным решениям, наработанным в англосаксонской традиции с ее обращением к спорным мысленным экспериментам и редукции множества аспектов проблемы к вопросу о выживании. Данная «третья линия» сама по себе является важным достижением.

Литература:

1. Локк Дж. Сочинения: В 3-х т. М., 1985. Т.1.
2. Юм Д. Трактат о человеческой природе. М., 1995. Т.1.
3. Eric T. Olson Personal Identity Stanford Encyclopedia of Philosophy. Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/identity-personal>.
4. Рикер П. Я-сам как другой. М., 2008.
5. Strawson P. Individuals. Paris, 1973.
6. Anscomb E. Metaphysics and the Philosophy of Mind. Oxford, 1981.
7. Wittgenstein L. Recherches philosophique. Oxford, 1953.
8. A. de Libera Archeologie du sujet v.2 La quete de l'identite, Paris, VRIN, 2008.
9. Decombes V. Le complement de sujet. Enquete sur le fait d'agir de soi-meme. Gallimard, 2004.
10. Decombes V., Larmore Ch. Dernieres nouvelles du Moi, PUF, 2009.